

© 2015 г.

Академик А.Б. ДАВИДСОН

ИСТОРИЯ – ПОЛЕ БИТВ. И ПРИМИРЕНИЙ

*Всякого националиста преследует мысль,
что прошлое можно – и должно – изменить.*

Джордж Оруэлл

За историческое прошлое борьба идет издавна. Императоры, короли превозносили свои заслуги, поносили соперников, разжигали чувства ненависти к иным народам, унижая их, в первую очередь соседей. Потом пришло время политических партий, их лидеров, политиков. Борьба за интерпретацию ролей в истории человечества становилась все острее.

Но, кажется, никогда еще история не использовалась в политических целях так широко, так многосторонне, так изощренно, как сейчас. На наших глазах многие историки во всех уголках мира превращаются из ученых, анализирующих прошлое, в интерпретаторов официальной линии – иногда по приказам властей, а то и по своей инициативе. Изыскивают, или придумывают, как можно больше такого, чем их страны, их народы могут гордиться. Предки своего народа совершают все более славные подвиги. Своя нация становится все более древней. Происхождение ее относят к Древнему Риму, Греции, даже Древнему Египту, а то и вовсе к мифическим, еще более древним цивилизациям. И порой аргументация применяется не столь далекая от гитлеровской, когда у немецкого народа подчеркивали “арийские” черты.

Все неблагоприятное в своей истории уводят в тень или в небытие. Значимость прошлых побед возрастает не по дням, а по часам. Поражения и неудачи исчезают, а те, что остаются, объясняются происками внешних сил и внутренних врагов. В истории, да и в современной действительности, своего народа находят только положительное, а у других – трудности, странности, злонамеренность.

Позитивному историческому опыту зарубежных стран, достижениям, которым надо бы учиться, уделяется в массовой пропаганде, как правило, неизмеримо меньше внимания, чем опыту негативному, за что соседа можно осудить, унижить. За исторические обиды считается нормальным мстить, отвечать по правилу “око за око”, забывая, что так можно и без глаз остаться.

Современные средства информации дают громадные, неслыханные прежде возможности воздействия на массовые представления, да и на образованную элиту. Это и используется теми, в чьих руках находятся СМИ – будь то государственные структуры или политические организации. Телевидение называют даже орудием массового поражения.

Давидсон Аполлон Борисович – академик, ординарный профессор НИУ-Высшая школа экономики, руководитель Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, президент Ассоциации британских исследований.

Статья подготовлена при поддержке гранта НИУ-ВШЭ № 14-01-0077.

Спекуляция на патриотических, националистических настроениях, на чувствах превосходства своей религии, на уверенности в правильности своей идеологии ведется чуть ли не во всех странах. Правильней сказать, во всех, но в разных формах, с разной степенью навязчивости. В каких-то странах она доходит до безумия, в других идет более или менее в рамках политической борьбы и подвергается открытой критике со стороны подлинно демократической общественности.

Телепередачи, газеты, радио, интернет полны сенсационных новостей – в основном о конфликтах. И когда видишь, как по всему миру историки и журналисты вспоминают о взаимных обидах, несправедливостях и преступлениях, становится страшно за будущее. Особенно же, когда понимаешь, как все это используется правящими режимами для укрепления своего контроля над мыслями и чувствами большинства граждан. И что “врагов внешних и внутренних” ищут, чтобы оправдаться перед своим народом: вот эти наши извечные исторические супостаты и виновны во всех наших прошлых и нынешних бедах. Средства массовой информации постоянно напоминают об исторических обидах и необходимости мобилизоваться для отпора новым “пронскам”, выискивают все новые сенсационные “заговоры”. Играя на патриотизме, власти раздувают пламя национализма, чтобы отвлечь народ от своих просчетов и преступлений и объяснить трудности страны происками врагов. Ответственность тех историков, которые помогают им в этом, огромна.

Страшно становится, когда понимаешь, что, подогревая гордыню своего народа, власти создают ему недоброжелателей вокруг. Ведь другим не может нравиться высокомерие соседа.

Историки, как и политики, трепетно говорят о защите национальных интересов. Зачастую имея в виду крепить вооруженные силы, поскольку вокруг одни враги. Неизмеримо реже говорят, что важная часть национальных интересов – это добрые отношения с соседями, как ближними, так и дальними. Что для защиты национальных интересов необходимо уважать соседей, стараться понимать их и помогать им, а не играть на их трудностях или слабости, и не кичиться своими достижениями перед ними.

В XX в. Жан Поль Сартр говорил: “Ничто не меняется так часто, как история”. Роберт Рождественский писал о временах, хотелось бы думать, уже ушедших в прошлое: “Долгое время мы говорили о своей стране, как принято говорить о покойниках: только хорошее. Если судить по газетам, то у нас никогда не тонули корабли, не сталкивались поезда и не падали самолеты”¹.

Спекуляции на историческом прошлом вызывают и обратную реакцию: циничное отношение к профессии историка, не говоря уже о журналистике. О тех, кто чрезмерно восхваляет свою родину, нацию, расу, говорят: набивает цену, как будто хочет ее продать. Или: ждет от властей, что его за это наградят. Еще в XVIII в. Сэмюэл Джонсон сказал о таких людях: “Патриотизм – последнее прибежище негодяя”². Потом эту фразу вслед за ним повторяли многие.

А ядовитый Салтыков-Щедрин? “Что историей заниматься, что бирюльки таскать – все единственно!”. “Позвольте вам доложить, зачем нам история?... Чтобы для начальства как возможно меньше беспокойства было”. И еще: “Затем тон собеседования, повышаясь все больше и больше, получил такую патриотическую окраску, в которой утопали и экономические, и политические соображения”³.

* * *

В чем причины резкой политизации истории? Глобализация? Несомненно. Одна из реакций на глобализацию, протестов против нее – рост национального самосознания и национализма. Это идет по всему миру. Об этом можно рассуждать и спорить бесконечно. Следует сказать и про повышение уровня образованности повсеместно,

¹ Рождественский Р. Поздние записи. – Новая газета, 21–24.VI.2007.

² Цит. по: Boswell J. The Life of Samuel Johnson, v. 2. London, 1823, p. 347.

³ Салтыков М.Е. (Щедрин Н.). Полн. собр. соч., т. I–XII. СПб., 1906, т. XI, с. 79, 98–99, 249.

что влечет за собой и рост интереса к истории, а значит, возможность использования этого интереса в политических целях. Но есть и нечто другое: растущее по всему миру представление о том, что сейчас, на наших глазах, решается судьба мирового порядка. Старый, созданный после Второй мировой войны, рушится, а новый – каким он станет? Вот за то, каким он будет этот новый порядок, и идет сейчас идеологическая война.

Стало общим местом подчеркивать, что современная наука и техника, новейшие средства коммуникации сделали мир обозримым, как бы придвинули друг к другу континенты и государства. Но реже говорят о том, что взаимозависимость стран мира резко возросла. Каждое государство теперь больше зависит от соседей – и ближних, и дальних.

И в ответ на глобализацию хочется отстоять свое, “совершенно особенное и совершенно уникальное”. И чтобы другие тоже поняли и приняли наше “свое”, потому что оно, как нам кажется очевидным, куда лучше, чем их “свое”. Вопрос о том, как строить отношения с “другими”, “чужими” ближними и дальними, сейчас куда острее, чем когда-либо раньше.

Государств в мире теперь раза в три больше, чем после Второй мировой войны, прежде всего в результате распада колониальных империй. В одном лишь 1960-м 17 колоний в Тропической Африке провозгласили себя государствами. Многие государства, считавшиеся зависимыми, укрепили свою самостоятельность.

В 1991-м в результате распада Советского Союза возникли 15 государств.

Укреплению самостоятельности новых стран способствовало произошедшее четверть века назад окончание “холодной войны”. Ушло, частично или даже полностью, то воздействие, которое они испытывали от борьбы Западного и Восточного блоков. Уменьшилась и материальная поддержка, получаемая многими из них от того или другого из этих блоков. Это привело к большей самостоятельности новых государств в их внешней, да и внутренней политике.

Перед каждым из них стоит задача либо создания своей государственности теми, у кого ее никогда не было, либо укрепления там, где ее основы были и прежде. Все они настойчиво борются за единение всего населения и всех народов своего государства, в том числе идеологическое, за особую значимость своего государства, за гордость принадлежности к нему, не прекращаются поиски национальной идентичности, национальной идеи. Как тут обойтись без апелляции к историческому прошлому? Оно тут главная опора, основа основ, в прошлом ищут все, что может объединить, сплотить, на чем можно выстроить памятники прошлому величию.

Больше 100 лет назад В.О. Ключевский отметил: “Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает спавшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?”⁴. Вопрос о покорении, надеюсь, в наши дни не стоит, но роль Не-Европы (иногда говорят – Не-Запада) в мире возросла несопоставимо с недавним прошлым. И вместе с тем она требует признания большей своей роли в историческом прошлом человечества, чем это считалось прежде.

Самый простой и короткий путь к созданию идейного единения – это утверждение своей исключительности и противопоставление себя “другому”, “чужаку”.

Безусловно, многим, вернее даже большинству молодых государств надо искать свои исторические истоки, воссоздавать память о своем историческом прошлом. Ведь в период колониальной или иной зависимости таких возможностей у них было мало. Вся их история подавалась через призму евроцентризма. Дети в школах учили историю Европы, а не своей страны. Сейчас ведется большая работа, чтобы скорректировать этот перекос: собирают давние свидетельства, выявляют устную историческую традицию, которой в колониальные времена не уделялось должного внимания, знания о прошлом обогащаются.

Но эта справедливая и благородная задача под воздействием властей или быстро возникших ультра-националистов нередко перерастает в провозглашение исключитель-

⁴ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993, с. 394.

ности своей страны, даже ее превосходства, первородства. И нередко это, а не объективные реальности, называют “патриотизмом”.

У историков новых государств Азии и Африки нередко видишь то, что возмущало Салтыкова-Щедрина в родной России: “Мнения, что Запад разлагается, что та или другая раса обветшала и сделалась неспособною для пользования свободой, что западная наука поражена бесплодием, что общественные и политические формы Запада представляют бесконечную цепь лжей, в которой одна ложь исчезает, чтоб дать место другой, – вот мнения, наиболее любезные Митрофану”⁵.

Так добрая идея восстановления исторического прошлого может превращаться во что-то иное. А патриотом могут называть не того, кто болеет за свой народ, а того, кто лихо бьет себя в грудь и непрестанно гордится, гордится и гордится, слепо следуя тем путем, каким ведет его власть. Так усиливается национализм и политизация истории.

Русский философ В.С. Соловьев, глубоко изучавший проблемы национализма, сформулировал закон развития общества, известный как “лестница Соловьева”: “Национальное самосознание – национальное самодовольство – национальное самообожание – национальное самоуничтожение”. Он писал: “Национальное самосознание есть великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не для отдельных только лиц, но и для целых народов”⁶.

Через это, казалось бы, Европа давно прошла, преодолев многие войны, в том числе две мировые. Одной из причин создания Европейского Союза было как раз стремление предотвратить появление подобных тенденций в будущем. Удастся ли это – вопрос другой.

Для новых молодых государств этот процесс осложнен представлениями о тесной принадлежности своей страны или своего народа к крупным межнациональным и наднациональным общностям – расовым, религиозным или региональным. Это особенно сказалось в период антиколониальных революций, когда антиколониальное движение каждой страны искало поддержки в тех странах, где были сходные проблемы. Тогда возникли идеологии арабоцентризма и других востокоцентризмов, исламоцентризма, афроцентризма, в противовес европейскому колониализму и евроцентризму. Получилось, что поиски национальной идентичности тесно переплетались с идентичностью расовой, религиозной, региональной – и нередко противоречили ей.

Как в дальнейшем будут соотноситься друг с другом идеи национальной и государственной идентичности с более широкой: расовой, религиозной, региональной? Предвидеть трудно. Зависит от самых различных глобальных перемен. Но с уверенностью можно сказать, что, например, романтическая вера в panaфриканизм, в panaфриканское единство сейчас уже не так широко распространена, как в 1950–1960-е годы. Она ослабела за счет усиления национальных интерпретаций исторического прошлого. Это в разной степени относится и к некоторым из других “центризмов”.

* * *

Распад колониальных империй и связанные с этим глобальные перемены не могли не отразиться на отношении к своей истории и у стран-метрополий, да и вообще у всей Западной Европы, где почти все страны были в те или иные периоды связаны с колониальной политикой. Судить о переменах нелегко: осмысление этого прошлого продолжается и будет продолжаться. После распада империй и многонациональных государств историкам надо пытаться выяснить – объективно, беспристрастно, – какую же роль в имперский период сыграла каждая из стран, входивших в империю. Для центра империи: что все-таки полезного, доброго он дал бывшим зависимым странам, а за что

⁵ Салтыков М.Е. Указ. соч., т. VII, с. 282–283.

⁶ Соловьев В.С. О народности и народных делах в России. – Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. Философская публицистика. М., 1989, с. 282.

они вправе этот центр винить. Для историков и для общественности стран, находившихся в зависимости: что полезного дало им пребывание в империи и что плохого. Увы, ответы будут еще долго зависеть и от политической конъюнктуры, и от предрассудков, накопленных из поколения в поколение. И все-таки пытаться разобраться в этом объективно надо. Пример такого диалога – споры, происходящие вокруг референдума об отделении Шотландии от Англии. Это диалог, в котором каждая из сторон представляет на суждение сограждан свои аргументы, а уж им судить. Никто не навязывал свою правоту силой оружия.

Да ведь и во времена господства колониализма суждения различных британских, французских и других западноевропейских историков о роли колониализма в истории их стран были далеко не однозначны. Было отношение к завоеваниям как благодеянию для покоренных народов. Кипплинговские строчки:

Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей⁷.

Но было и осуждение преступлений колониализма. Тот же Киплинг в других стихотворениях с уважением писал и об африканских народах, воевавших против англичан.

Крутой поворот в представлениях европейцев произошел в конце 1940-х, в 1950–1960-е годы, на которые пришелся пик распада колониальных империй. В Европе возник страх перед будущим, непонятным из-за этого распада, и горечь от ухода имперского величия. Но были и чувство вины перед народами колоний, и вера в их будущее. И чувство облегчения от освобождения от имперского бремени. И ощущение, что народы колоний недостаточно оценивают заслуги метрополий в приобщении колоний к достижениям европейской цивилизации.

В 1960-м в Москве состоялся Всемирный конгресс востоковедов, и я познакомился с британскими историками-африканистами Роландом Оливером и Джоном Фейджем. Мне посчастливилось: разговоры получились, что называется, по душам. И я позволил себе спросить, что же они в создавшейся обстановке считают главным для себя как историков. По их мнению, главное, отойти от привычного британского и вообще европейского высокомерия по отношению к “цветным”. Стараться понять их, поглядеть на мир и на историю их глазами. И вообще винить не “чужих”, “непохожих”, “других”, а прежде всего подумать, какие же ошибки, огрехи, какие неблагоприятные поступки совершило в истории твое собственное государство, твоя нация.

Примерно то же говорил мне британский историк-африканист Кристофер Файф – с ним мы крепко сдружились. И еще раньше такую же позицию отстаивал Бэзил Дэвидсон. Все они получили признание в странах Африки, у них там учились, их труды издавались, они оставили по себе добрую славу.

Но как в истории самой Британии отразить отношение к бывшим колониям и к прошлому своих отношений с ними? Это оказалось особенно сложным не только для Британии, но и для других европейских стран. Требуется пересмотр очень многого. Даже самого привычного, глубоко въевшегося в национальные чувства, связанного с уверенностью в своей особой значимости, даже исключительности. Ведь много поколений воспитано на идее “несите бремя белых”, благостности этого бремени для “цветных” и, следовательно, величия тех, кто нес это “бремя” на своих плечах. А теперь бывшие колониальные и зависимые народы объявляют, что для белых это было не бремя, а утверждение своего господства.

⁷ Киплинг Р. Избранные стихи из всех книг. [Б.м.], 2011, с. 175.

А те, кто сумел посмотреть на свою историю иначе, не жертвовали ли и они своим профессионализмом во имя нового, как им казалось, теперь уже “правильного” подхода. Ведь некоторые во имя переоценки ценностей закрывали глаза на то, что им не нравилось в странах, о которых они писали, а кто-то отдельные тенденции и явления пытался даже и скрыть⁸.

Все эти противоречия, подлинные и мнимые, будоражат национальное самосознание народов Европы и будут будоражить еще долго. И отражаться в трудах историков, в культуре, в общественной жизни, политике.

Ностальгия по имперскому прошлому подчас усиливается известиями о тяжелейших трудностях новых государств. Это дает кому-то из европейцев возможность говорить: вот ушли они от нас, и каково им теперь?

Слова Киплинга “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут” воспринимались когда-то как неопровержимое данное. А сейчас десятки миллионов людей из Азии и Африки переселяются в Европу, Северную Америку, Австралию – страны, которые воспринимаются как “западный мир”. Мир превратился в огромную коммунальную квартиру, где каждый зависит от соседей не только близких, но и дальних.

О межрасовых и межнациональных осложнениях и конфликтах в самой Европе слышишь уже постоянно. Казалось бы, для страны, куда идут большие потоки иммигрантов, наилучший выход – мультикультурность. Пусть каждая община живет в соответствии со своими нормами и понятиями. Но, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями на этом пути, лидеры Германии и некоторых других стран Европы уже заявили о том, что мультикультурность в их странах попросту невозможна, если они хотят сохранить не столько даже свою идентичность, сколько действующие в их странах законы. И с каждым годом острее встает вопрос: как же быть? На какие исторические традиции тут можно опереться? На эти вопросы пока еще никому не удалось найти ответа.

* * *

Работая с зарубежными историками – на конференциях, во время встреч в Ассоциации британских исследований, в нашем Центре африканских исследований, – сколько же мы получаем вопросов от наших коллег! Им хочется сопоставить свои подходы к прошлому с нашими, понять, в чем сходство и в чем различия. Особенно непростые вопросы – от зарубежных историков-русистов, знатоков прошлого нашей страны и ее народов. Вот несколько типичных вопросов от англичан.

– В вашей стране настаивают, что Советский Союз не был империей. Допустим. Но не возникли ли после распада Советского Союза те же проблемы в подходе к прошлому, которые испытывали мы после распада Британской империи?

– В каждом из молодых государств, родившихся после распада Британской империи, пошла работа по изучению своей национальной истории, появились исследования, школьные и университетские учебники. И многие взгляды резко отличаются от тех, что распространялись там в колониальный период и шли, разумеется, из Великобритании. Мы стараемся изучать эти их подходы. И в новых изданиях, таких как Оксфордская история Британской империи, их взгляды учитываются. А у вас? Изучают ли в Москве те подходы к истории Российской империи и СССР, которые рождаются в государствах, возникших после распада Советского Союза? Как они учитываются в сегодняшней российской исторической науке? Как вы относитесь к ним, если их оценки резко противостоят традиционно принятым в России? Идут ли совместные обсуждения на научном, а, может быть, и на государственном уровне? Ведь вы с этими новыми странами –

⁸ Например, “прогрессивные” журналисты и историки скрывали уничтожение правительством Агостиньо Нето десятков тысяч членов своей партии в 1977 г.: *Pawson L. In the Name of the People: Angola's Forgotten Massacre. London, 2014.* Среди таких историков был и Бэзил Дэвидсон, и в то время сама автор этой книги, Лара Посон.

соседи, у вас очень много общего в прошлом. Вашей стране необходимо находить с ними общий язык. Что и как вы для этого делаете?

Африканских историков еще больше интересуют подходы к прошлому в государствах, возникших после распада СССР. Задачи новых исследований национального прошлого, их политическая роль – обоснование государственности, сплочение народа под национальным знаменем, возвышение символов национальной гордости – сходны с аналогичным процессом в государствах Африки. А, может быть, есть и отличия? Участвуют ли в пересмотре исторических подходов в этих странах российские ученые? И, поскольку большинство новых государств Африки возникли тремя десятилетиями раньше, чем государства постсоветского пространства, использовали ли постсоветские политики и историки опыт отношения к прошлому, уже накопленный африканцами? В Африке, особенно поначалу, новые государства в какой-то мере объединяла идея panaфриканизма, какого-то единства исторических процессов. А есть ли что-то, что объединяет новые постсоветские государства? Или деление идет по группам: Прибалтика – одно, Центральная Азия – другое, Закавказье – третье? Или и там по-разному: Азербайджан – одно, а Армения – совсем другое?

Африканцев обрадовало, что премию имени Сахарова получил в 2014 г. конголезский врач. Но они недоумевали, почему премию Сахарова присуждает не Россия, а европарламент.

Всех, и британцев, и африканцев, интересует, каков подход к истории, который в имперское время и в СССР определялся Петербургом и Москвой: распался ли он теперь на национальные подходы? Насколько распался, а какая роль все же осталась за общим? Насколько национальные истории противостоят теперь, противоречат той привычной истории, которая была принята до 1991 г.?

Зарубежные русисты напоминали, что в 1920-х и даже в 1930-х годах в СССР часто цитировали слова Ленина, что Россия – “тюрьма народов”. Много писали и даже ставили фильмы о восстаниях против русского колониализма. Что в изданном в Москве в 1939–1940 гг. двухтомном университетском учебнике по истории СССР говорилось о русском колониализме. Но что позже даже упоминание этого понятия полностью исчезло.

Я как-то сказал, что родился в сибирской таежной деревне Ермаково и что, думаю, деревень, названных в честь Ермака, в Сибири немало. Меня сразу же спросили:

– А по душе это тем сибирским народам, которых завоевал Ермак, или они были рады, что оказались приобщенными к русской культуре?

И тут же продолжили:

– В Москве на Тверской, примерно там, где сейчас памятник Долгорукому, стоял памятник Скобелеву. Его убрали после прихода к власти большевиков. Сейчас “белый генерал”, очень мужественный в боях, стал снова одним из символов русской национальной гордости. А как относятся к нему те народы Центральной Азии, против которых он воевал? Генерал Ермолов, герой Войны 1812 года, а затем покоритель Кавказа, как относятся к нему там? Ведь слова “смирись, Кавказ: идет Ермолов!” приводил и Пушкин⁹.

На одной из недавних конференций говорили о “переселенных народах”. В 2014 г. исполнилось 70 лет со времени выселения из родных мест и отправки в Казахстан и другие места Центральной Азии пяти народов Кавказа и крымских татар. Для них это ужасная дата. Крымские татары хотели ее отметить, но не получили на это разрешения. Почему?

Мои коллеги отвечали, что потомки депортированных народов имеют право отмечать такие годовщины, но сейчас это, увы, могло бы привести к ненужному новому обострению межнациональных отношений.

Вообще у нашей стороны не было единодушных ответов на вопросы иностранных ученых. Преобладал такой:

⁹ Пушкин А. С. Кавказский пленник. – Пушкин А. С. Соч. в 3-х т., т. 2. М., 1958, с. 105.

– Многое, о чем вы говорили, верно. Но прямые параллели между Россией и западными колониальными державами невозможны. По многим причинам. У вас зависимые территории находились далеко от метрополий, за морями-океанами, а в Российской империи – рядом. И в политическую, и в экономическую элиту Российской империи, а тем более СССР, входили и татары, и армяне, и грузины, и латыши... В истории Британской империи аналогии этому найти трудно – элита колонизованных стран допускалась к управлению лишь на местном уровне. И правомерно ли считать Советский Союз империей, если входившие в него народы имели официально те же права, что и русские? И материальный уровень жизни у некоторых из них был выше, чем у русских.

Конечно, среди наших соотечественников найдутся те, кто сочтет неправильным, непатриотичным вспоминать вопросы, поставленные нашими зарубежными коллегами. Но многие из них дискутируются у нас и в интернете, и на страницах академических изданий. Что же, все равно считать их несвоевременными и избегать их? Ведь, как правило, то, что замалчивается, потом обязательно привлечет к себе большее внимание.

Разумеется, легче всего считать, что сложнейшие споры об истории, идущие сейчас за рубежом, это “их проблемы”, а к нам они не имеют отношения, мы – особенные, совершенно другие. Но, может быть, стоит все-таки внимательнее, глубже задуматься над спорами, ведущимися за рубежом. При всей нашей “особости” некоторые из них имеют отношение и к нам.

* * *

В заголовке этой статьи есть слова: “И примирений”.

Безусловно, нам в нашем сегодняшнем мире бросаются в глаза не примирения, а споры и битвы. Они очевидны, они привлекают внимание, они теснейшим образом связаны со злободневной политической борьбой, они – ее отражение. Да и “спрос” на них больше.

Стоит отметить, что пропаганде ожесточения играет на руку традиционно сложившийся характер массовой информации. Сенсация всегда привлекает внимание, а что в ней правда – в этом разбираются потом. А что такое сенсация? Если вы живете мирно и спокойно с коллегами на работе или соседями в доме, это не будет вокруг шумно обсуждать. Зато если вы крупно поссорились – тут уже сенсация, пища для обсуждения окружающими, а может быть, для газет и телевидения. Так и в мировой политике.

У англичан есть выражение “No bad news, no news” – нет плохих новостей, значит, нет новостей вообще. Смысл высказывания: если люди живут мирно, без ссоры, то нет и сенсации. Журналистам писать не о чем. Но если ссора, драка, скандал – папарацци тут как тут. Вот и получается, что мы узнаем о миролюбии неизмеримо меньше, чем о драчливости.

Но разве миролюбия в истории так уж и нет? Есть. Живут же народы, стараясь не очень припоминать друг другу прошлые обиды. Даже в Африке, на континенте, где, по сообщениям СМИ, больше всего конфликтов, войн, вооруженных противостояний.

Ярчайший пример – Южно-Африканская республика. Политологи во всем мире предрекали, что “черные” устроят в ЮАР массовую резню “белых” в отместку за их 300-летнее господство. Но этого не произошло. Нашлись общественные силы, которые смогли удержать свои народы от кровавой межрасовой бойни. В начале 1990-х годов сторонам удалось договориться. Уходящий президент де Клерк и сменявший его Нельсон Мандела заслуженно стали лауреатами Нобелевской премии мира. Они настойчиво призывали народы своей страны забыть взаимные обиды и строить будущее вместе. Конечно, стереть исторические обиды из памяти крайне трудно, но все-таки в жизни ЮАР они играют сейчас куда меньшую роль, чем 100 и даже 30 лет назад.

В ЮАР два десятилетия назад, в годы президентства Нельсона Манделы, была создана Комиссия правды и примирения. Она собирала материалы о накопившихся к тому времени конфликтах, преследованиях расового и национального характера, предавала их гласности. И если виновные признавали свою вину, раскаивались, то считала их

заслуживающими прощения. Сейчас по образу и подобию этой комиссии созданы такие же в ряде стран, даже в Камбодже.

А вот книга мадагаскарского историка. В ней сказано о том, как достигалось примирение не только на Мадагаскаре, но и в ряде других стран Африки. Российские ученые сочли книгу столь важной, что перевели ее и издали в Москве¹⁰.

Примеров миротворчества, взаимопонимания, стремления к мирному сосуществованию в сегодняшнем мире немало. Правда, бывает, что о случаях примирения можно сказать: сейчас-то не все там идет так уж хорошо. Но ведь значит обиды, пусть и не полностью, но смягчены. А это ой как важно.

Теперь о главном. О будущем. Да, во всей истории человечества резкие конфликты приводили к войнам и решались войнами (во всяком случае, так считали победившие стороны). А сейчас? Конечно, стремление к войнам неизлечимо.

“Первой задачей тирана будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе... А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях или отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю”. Так писал Платон две с половиной тысячи лет назад¹¹. Не так ли оно и сейчас?

“Придет же время, – надеялся Л.Н. Толстой, – когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, искалеченные, измученные народы скажут своим правителям: да убирайтесь вы к дьяволу или к Богу, к тому, от кого вы пришли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое... Нам совершенно все равно, какой мы будем считаться – большой или малой или никакой державой, нам важно то, чтобы беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов”¹².

Такое время не наступило. Но возможна ли теперь большая война, пусть даже и не такая, как Первая и Вторая мировые войны? В условиях, когда уже несколько государств, даже, должно быть, Северная Корея, обладают ядерным оружием, это может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до гибели человечества...

Значит, единственный путь к миру между народами – это взаимная толерантность. Но она возможна лишь, если государство, его народ, его власти стараются понять других. Не настаивают на своих давних предрассудках, не толкуют непрестанно о своем первородстве, о превосходстве своей культуры и религии, о своих победах, а отдают должное и другим. Думают об инновациях в своем развитии, а не об имперских амбициях.

Но даже сейчас политические лидеры, говоря об обеспечении безопасности своих государств, зачастую связывают это с усилением вооружений, боеспособностью. И намного меньше с тем, что спокойствие своего народа надо обеспечивать добрыми отношениями с соседями. А ведь только такой путь и может стать гарантией от региональных и, еще того страшней, общемировых конфликтов. Но как же труден этот путь!

Впервые в мировой истории стало так жизненно необходимо решать раздоры не войнами, а переговорами, компромиссами, взаимными уступками. Взаимопониманием. Как и между людьми.

Святая наука – расслышать друг друга
Сквозь ветер, на все времена.

Политики особенно широко обсуждали это в декабре 2013 г., в связи с кончиной Нельсона Манделы. В начале 1990-х годов, когда происходили события, связанные с его именем, мир не уделил им того внимания, какого они заслуживали. Их затмили другие события: конец “холодной войны”, распад Советского Союза, крушение Берлинской

¹⁰ *Имбики Аналет*. Национальное примирение: сложный случай Мадагаскара. М., 2013.

¹¹ *Платон*. Государство. – *Платон*. Собр. соч. в 4-х т., т. 3. М., 1994, с. 356.

¹² *Толстой Л.Н.* Собр. соч., т. 16. М., 1964, с. 617.

стены... Но через 20 лет их значение для всего мира стало очевидно. Мандела стал символом миролюбия и взаимопонимания. Кто только ни превозносил этого человека! Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сказал на его похоронах, что Мандела показал путь, по которому должен идти мир. И добавил: иногда добрая улыбка сильнее грубой силы.

На похороны собрались государственные деятели со всего мира. Высказывания Манделы появились в газетах и журналах разных стран, и наших российских. “Я против господства белых и против господства черных”. “Воевать и разрушать – очень легко. Настоящие герои – те, кто устанавливает мир и начинает строить”. “Сложности и невзгоды разрушают одних людей, но создают других”. “Сложно изменить общество, но еще сложнее изменить себя”. “Мы должны использовать время мудро, и помнить: правое дело можно начать в любую минуту”. И что он против “длинных речей, сотрясания воздуха и размахивания кулаками, осуждений и резких резолюций”.

Можно по-разному трактовать какие-то его высказывания, можно соглашаться или не соглашаться с ними. Но они заставляют задуматься. И многие – мудрые.

Обама назвал Манделу своим кумиром. А Путин, придя в посольство ЮАР в Москве, оставил в траурной книге такую запись: “Мужественный, мудрый человек Нельсон Мандела всегда последовательно боролся за свои убеждения, но при этом оставался великим гуманистом и миротворцем. Именно такой подход востребован в мире сегодня: поиск компромиссов – это лучшая основа для согласия и сотрудничества”.

Но от провозглашения миротворческого подхода до его осуществления в реальной политике – огромная дистанция. Уж очень велико бремя извечного желания решать споры кулаком, штыком, танками, гаубицами, ракетами.

* * *

Какова во всем этом роль историков?

Вся накопленная веками историческая литература – от исследовательских трудов до школьных учебников – полна войнами, конфликтами, раздорами. Какие памятники возвышаются по всему миру? Войнам, победам, генералам.

Войны и победы, безусловно, заслуживают памяти. Но почему же так мало, или вообще почти нет, памятников миротворчеству и миротворцам? Да, теперь все же есть памятники тем, кто исходил из принципа, говоря словами Киплинга: “Умей прощать, и не кажись, прощая, великодушней и мудрей других”. Да, есть памятники Нельсону Манделе и Махатме Ганди. Да, глубоко уважается память Льва Толстого. Одна из его записок: “Не делайте различия между народами и любите чужих так же, как своих”¹³. Вспоминаю слова Иосифа Бродского из письма, которое он послал Брежневу 4 июня 1974 г. (это письмо Бродский опубликовал): “Единственная правда – доброта. От зла, от гнева, от ненависти – пусть именуемых праведными – никто не выигрывает”¹⁴.

Но как всего этого мало по сравнению с увековечиванием памяти о конфликтах и войнах!

Не настало ли время для большего внимания историков тому, как в прошлом проявлялось стремление к миролюбию, взаимопониманию, умению найти общий язык? Тому, что, безусловно, было, но, увы, не привлекало должного интереса историков. Привлечь внимание к истории миротворчества важно буквально для всех народов и стран.

Объективные, непредвзятые подходы историков – трудно их достичь и тем более выразить в нынешних сложнейших политических ситуациях! Но упорствуя на этом пути, историки смогут повлиять на общественность, на массовые представления, на политические движения. А, может быть, даже и на политиков, даже тех, кто привержен не взаимопониманию, а агрессии.

¹³ Толстой Л.Н. Краткое изложение Евангелия. – Евангелие Толстого: избранные религиозно-философские произведения Л.Н. Толстого. М., 1992, с. 41.

¹⁴ Редакция журнала “Новое время/New Times” сочла это высказывание настолько важным сейчас, через почти полвека, что поместила его на обложку своего журнала 11 августа 2014 г.

Мое поколение (теперь уже старшее) было воспитано в духе: “Кто не с нами – тот против нас”. Бескомпромиссность считалась неотъемлемой чертой советского человека. Идеологическая кампания “борьбы против низкопоклонства перед иностранщиной” приучала нас не верить иностранному – ничему, идущему из-за рубежа. Западные ученые – это “буржуазные лакеи”. Наша задача – разоблачать их.

В разгар этой кампании, на рубеже 1940–1950-х годов, требовали: разоблачать, не цитируя, поскольку “цитировать – это пропагандировать”. Пропаганда “неприятия чужого”, недоверия к нему велась не только в Советском Союзе. Она ведется и сейчас.

Поэтому так важна тема взаимопонимания, доверия, снижения агрессивности, демилитаризации сознания – она привлекает сейчас историков ряда стран¹⁵. Взаимопонимание между людьми, между социальными группами, народами, государствами. Изучение взаимопонимания, которое в прошлом помогало смягчать противоречия. Изучение того поведения людей и государств, которое вызывало доверие к ним и порождало ответное доверие. Ведь если в прошлом было бы одно лишь тотальное недоверие, человечество бы не выжило.

¹⁵ Эту тему давно уже изучает известный британский историк Джеффри Хоскинг. Его недавнее исследование: *Hosking G. Trust. A History*. Oxford University Press, 2014.